

М.Н. ГЛАЗКОВ,

профессор Московского государственного университета культуры и искусств

Советское юношество, библиотеки и идеология 1930-х гг.

Известно, что массовые библиотеки СССР, обслуживавшие молодое поколение, учащихся, детей и т.д. активно «работали» на идеологию, используя все возможные тогда методы и формы библиотечной деятельности [1]. Но какие именно идеоло-

гемы культивировались в очень непростое предвоенное время и можем ли мы сегодня что-либо почерпнуть из истории 1930-х гг. для воспитания «поколения пехт» в XXI веке?

Если ознакомиться с многочисленными отчетами библиотек, специальными методическими пособиями, статьями в профильной периодике тех лет, становится очевидным ударное направление: **подъем образовательного уровня советского юношества**. Работа с читателями была буквально пронизана образовательной идеей. Это приносило ожидаемые плоды. Если в 1928 г. в нашей стране было 58,4% грамотных, то в 1932 г. — уже 90,0% [2]. Число учащихся школ за рассматриваемое десятилетие выросло почти в 2,5 раза, а студентов вузов — в 3 раза [3; 4].

В марте 1939 г. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии вводит в стране всеобщее бесплатное среднее образование, что можно считать эпохальным событием.

В отличие от раннеревolutionных лет, когда «идеальному» пролетарию, красноармейцу, чекисту глубокие знания были как бы ни к чему и даже отвлекали от революционного действия, в 1930-е гг. стремление к знанию получило высокое общественное уважение и безусловное признание.

Одной из оригинальных форм библиотечной работы, содействовавшей массовому образованию, стали **конкурсы на лучших читателей**. К ним обычно привлекались лица, не имевшие законченного образования. Библиотеки объявляли темы конкурсов, например на лучшего читателя прозы А.С. Пушкина. Участники должны были прочитать основные произведения классика, а затем на общем собрании в библиотеке ответить на ряд вопросов, подготовленных библиотекарями совместно с учителями и специалистами. Как правило, награждались не только победители, но различные поощрения получали все участвовавшие. В заключение на собрании могли выступать лекторы, знатоки творчества Пушкина читали его стихи, устраивались театральные инсценировки из спектаклей по пушкинским сочинениям и т.д.

Подобными интеллектуально-образовательными соревнованиями по всей стране оказалось охвачено большое множество еще недавно малограмотных людей, прежде всего молодежи. После каждого конкурса возрастал спрос читателей на библиотечную литературу, особенно по его теме, увеличивалась армия самих читателей. А главное — поднимался уровень культуры и образованности всего народа.

Конечно, в советском образовании существовали определенные идеологические ограничения и цензура. Часть религиозных, философских, социальных, экономических учений, противоречивших атеизму, материализму, марксизму и ленинизму, были недоступны рядовому человеку. Они запрещались к печатанию в СССР, изымались из фондов массовых библиотек и т.д. [5]. Это порождало некоторую односторонность в интеллектуальном сознании людей.

Однако не следует преувеличивать эти ограничения и односторонность.

Ведь именно в 1930-е гг. удалось подготовить новое поколение блестящих ученых, изобретателей, специалистов, создавших передовую науку и технику, обеспечившую победу над сверхдержавой — Германией, а позднее наше первенство в космосе и мн. др.

Еще одной ключевой идеологемой в работе массовых библиотек стала пропаганда физического здоровья и советской морали, которая с середины 1930-х гг. все более включала в себя традиционные «старые» ценности. **Серьезно укреплялись институты семьи и брака. Уважение к старшим, авторитет учителя и т.п. усиленно официально прививались в сознание личности.**

Невиданную популярность приобрела, если так можно сказать, идеология советской романтики и героики. Экспедиции на Северный полюс, героическое освоение Северного морского пути, труднодоступных районов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, открытия геологами ценнейших месторождений полезных ископаемых, рекордные авиаперелеты рождали и генерировали, особенно у юношества, желание совершать подвиги. Библиотеки поддерживали подобные устремления, организуя выставки литературы и громкие чтения о героях-челюскинцах, папанинцах, чкаловцах, обслуживая библиотечной литературой осоавиахимовские ячейки, кружки юного летчика, моряка, ворошиловского стрелка и т.д.

Нередко в библиотеках проводились встречи с представителями романтических профессий, искателями, путешественниками, авиаторами. В самой демократичной обстановке читатели общались со ставшими

сейчас легендами М. Громовым, М. Водопьяновым, В. Коккинаки, которые рассказывали о своей жизни, учебе, освоении мирового неба и мн. др.

Характерно, что даже не все столичные библиотеки могли вместить желающих встретиться с народными знаменитостями, но никому и в голову не приходило продавать входные билеты. Заметим также, что, судя по переписке из архивов московских библиотек, известные люди страны с охотой шли бесплатно выступить на библиотечных вечерах, ничуть не считая это ниже своего достоинства. Можно только догадываться, сколько подростков, юношей и девушек, комсомольцев выбрали достойный жизненный путь, побывав на подобных встречах.

Очень привлекательным для молодежи стало использование передвижных киноустановок в библиотеках. В 1930-е гг. кино было редкостью, особенно в провинции. Поэтому, когда библиотекари вывешивали объявление о показе просветительского или пропагандистского фильма, можно было быть уверенными в аншлаге, даже если фильм продолжался 7—10 минут. Огромным успехом у зрителей-читателей пользовались узкоплечные кинофильмы «Будь готов к ПВХО», «Великие полководцы страны», «Разгром японских самураев у озера Хасан», «Авиация страны социализма» и др.

Это были не просто кинопоказы. До и после них библиотекари проводили выставки и обзоры тематической литературы, газет, брошюр и журналов, агитировали активнее посещать библиотеку, учили азам пользования библиотекой, картотеками и каталогами, вели запись в оборонно-санитарные кружки и т.д.

Встреча челюскинцев в Москве

В обстановке неотвратимо приближавшейся мировой войны на государственном уровне была сделана принципиальная ставка на особый подъем интеллектуального и идейного уровня солдат срочной службы, а также младших юношей — будущих воинов. Дальновидность такого подхода подтвердила Великая Отечественная война. Как позднее утверждал маршал Г.К. Жуков, в конечном итоге мы победили потому, что «у нас был более образованный и идейно твердый молодой солдат». Действительно, после того как профессиональные, кадровые военные оказались в массе своей «выбиты» в 1941–1942 гг., на их место заступила молодежь. Именно те, кто прошел хорошую школу всеобщей и всеобщей в 1930-е гг., затем освободили Родину и Европу от коричневой чумы.

Вклад библиотек в укрепление обороноспособности СССР носил одновременно и идейно-теоретический, и прикладной характер. К примеру, в 1940 г. сетью кружков по распространению военных знаний среди населения, теснейшим образом связанных с массовыми библиотеками, было подготовлено свыше 2 млн пулеметчиков, снайперов, связистов, кавалеристов, мотоциклистов, парашютистов, планеристов, летчиков [6, с. 151]. По стране гремели лозунги «Молодежь! Изучай военное дело!», «Комсомолец — на самолет!». Быть осоавиахимовцем, ворошиловским кавалеристом и стрелком было почетно. Повседневный труд тысяч библиотекарей по воспитанию мужественных патриотов принес свои плоды. Общегосударственные идеологические кампании, в которых участвовали люди многих профессий, явились одними из опор массового героизма советского народа, проявленного в «роковые сороковые».

Неизменной оставалась в 1930-е гг. идейная борьба с накопительством, спекуляцией, «совбуржуями». С одной стороны, это присуще социалистическому строю как таковому. Но надо также заметить, что борьба с погоней за материальными благами отчасти объяснялась очень низким уровнем жизни граждан СССР, оправдывала его. Характерно, что библиотеки активно использовали при этом сочинения едва не сброшенных с корабля современности классиков: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского — представителей дореволюционной традиции, отрицавшей путь материального обогащения.

Вместе с тем, библиотеки, выполняя идеологическую установку государства, всячески убеждали читателей во временности, непродолжительности теперешних материальных трудностей: «Сначала построим фабрики и заводы, обеспечим обороноспособность страны среди враждебного империалистического окружения, а после и простые люди заживут хорошо». Тем самым мобилизовывалась сознательная трудовая энергия граждан. Следует признать, что значительная их часть, несмотря на большие бытовые трудности и бедность, восприняла данный тезис в своей частной жизни. Об этом свидетельствуют созидательный энтузиазм, массовое стахановское движение, в том числе среди молодежи, выполнение грандиозных пятилетних планов.

Подчеркнем, что высшие власти старались оправдывать доверие народа. Так, уже в конце 1-й пятилетки средняя зарплата выросла вдвое при стабильном рубле. В 1933—1935 гг. в Советском Союзе произошла частичная, а затем и полная отмена продовольственных карточек [7, с. 9]. С середины десятилетия подъем уровня жизни ощущался достаточно определенно, хотя стандарты потребления, конечно, сильно уступали 1970-м и даже 1960-м гг. Размер национального дохода страны резко увеличился. Например, только с 1937 по 1940 г. он вырос с 96 до 128 млрд рублей! За те же три года продукция легкой и пищевой промышленности увеличилась на 33% [8]. Гарантированное бесплатное здравоохранение и образование, развитие народной культуры и библиотек также способствовали улучшению качества жизни людей.

Характерно, что одной из приоритетных стала идея личного и социального оптимизма. Юношество видело и осознавало, что благодаря гарантиям государства и при определенном трудолюбии и усилиях, оно в состоянии приобщиться к культуре, получить хорошее образование и достойную профессию, стать действительно полезным обществу и государству, созидать новую жизнь. В 1930-е гг. социалистическая система практически сломала различные барьеры и ограничения, присущие кланово-олигархическим режимам. Теперь социальное происхождение, национальная или кастовая принадлежность и т.п. перестали являться определяющими в судьбе личности. Выходцы из рабо-

чих или крестьян становились директорами заводов, академиками, наркомками, писателями, командирами дивизий. Идеология личного оптимизма укреплялась и подтверждалась массовыми примерами из жизни. Отсюда, кстати, море народных улыбок, зафиксированное кинохроникой.

Очень важной стороной человеческого мира всегда являлась духовная сфера. В тридцатые годы государственный атеизм продолжал господствовать в советском обществе усилиями различных учреждений, в том числе библиотек. И хотя его проведение было весьма жестким, оно все-таки несколько смягчалось сравнительно с предшествующим временем. 11 ноября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло принципиальное решение. «Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 “О борьбе с попами и религией”, адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей Русской Православной Церкви и православно верующих, — отменить». Тогда же Наркомату внутренних дел поручалось «произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью, освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти» [9].

Хулиганские выходки и огульные оскорбления чувств верующих, обычные для ранне-революционных лет и сочинений «воинствующих атеистов», теперь стали пресекаться цензорами. Из массовых, школьных, детских и других библиотек изымались антирелигиозные книжки со слабой аргументацией, грубыми фактическими ошибками, «устаревшими методами антирелигиозной пропаганды», «малоценные» и т.п. [10, с. 64—65].

Показательно, что со второй половины 1930-х гг. в закрытых сводках Наркомпроса отмечается появление все большего числа детей и подростков на церковных службах. После двух десятилетий удушающего атеистического насилия, когда среди городских прихожан остались почти исключительно люди пожилые, это явление представлялось удивительным. Можно говорить о воскресении отечественной духовной традиции. Конечно, подобная цель отнюдь не ставилась

властями, но объективные изменения в государственной, идеологической, социальной, культурной, библиотечной жизни СССР привели именно к таким последствиям.

Разумеется, далеко не все идеологические постулаты, пропагандировавшиеся в советских массовых библиотеках, носили конструктивный характер. Достаточно назвать явные перегибы культа личности, пропагандирование даже среди школьников политических судебных процессов, широких репрессий 1930-х гг., перемоловших судьбы многих безвинных людей, и т.п.

Однако думается, бездуховность нашего времени не менее страшна. И если сегодня в молодежной и даже подростковой среде едва ли не господствует идеология, сводящаяся к «сексу, дури и баксам», следует использовать все возможности для перелома ситуации. А разные грани исторического опыта, исследованного глубоко и творчески, могут стать здесь важнейшим позитивным ресурсом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подробнее см.: Глазков М.Н. Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 гг.: Монография. — М., 2004. — 236 с.
2. Культурное строительство в СССР. К XVI годовщине Октября. — Л., 1933. — С. 33.
3. Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. Т. I. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. — М., 1994. — С. 254—255.
4. Высшее образование в СССР. Статистический сборник. — М., 1961. — С. 79.
5. Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917—1939). — М., 2001. — 104 с.
6. Варфоломеева М.В. Роль массовых библиотек в культурной революции в СССР (1928—1941 гг.). — М., 1974. — 231 с.
7. Подробнее см.: Миронов С.С. Некоторые аспекты экономического и политического развития СССР в 1930-е годы. — М., 1998. — 55 с.
8. Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. — М., 2003. — С. 328—329.
9. Коняев Н. Облеченный в оружие света//Молодая гвардия. — 2000. № 11—12. — С. 30.
10. Глазков М.Н. Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е — начале 1940-х гг. — М., 2007. — 75 с.